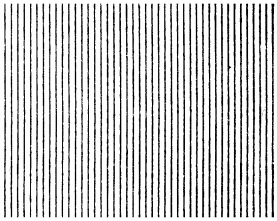
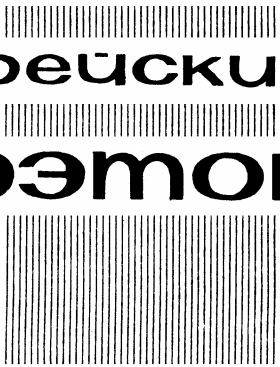
БИБЛИОТЕКА
ОГОНЁК

№ 38 1964



Стихи еврейских поэтов



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 38

СТИХИ ЕВРЕЙСКИХ ПОЭТОВ

Издательство «ПРАВДА»
Москва, 1964

Советская еврейская поэзия существует с первых дней советской эпохи, и понятно, что все ее существо — советское все думы и устремления обращены к новой действительности. Тесная связь еврейской советской поэзии с жизнью всегда сказывалась в том, что она откликалась на события, не дожидаясь дистанции времени, причем освещала происходящее со страстностью участника, с боевой «тенденциозностью» находящегося на линии огня бойца. Еврейская поэзия гордится тем, что вскоре после вооруженного октябрьского восстания появились ее гимны Октябрю и стихи, призывавшие к защите социалистического Отечества.

В каждой литературе есть своя специфическая национальная проблематика. В еврейской дореволюционной поэзии она шла преимущественно от ущербного чувства. В советской еврейской поэзии ущербность эта исчезла, уступив место чувствам и мыслям равноправного строителя новой жизни.

Все эти качества читатель найдет и в произведениях, включенных в эту книжку,— в стихах четырнадцати современных поэтов-москвичей, пишущих на языке идиш.

Арон ВЕРГЕЛИС

СТИХИ ЕВРЕЙСКИХ ПОЭТОВ

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 00773. Подписано к печати 12/X 1964 г. Тираж 103 000. Изд. № 1903.

Зак. 2273. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. 0,5 бум. л.—1,37 печ. л. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МОЯ СТРАНА

Как бы жил без тебя я, родная страна?
Как без правой руки, как несчастный без меры...
Если б глаз твоих мне не сияла весна,
Что бы стало моею надеждой и верой?
Брел бы я в неизвестность,
Как жалкий слепой...
Ничего без тебя я, отчизна, не стою.
Есть ли доля светлее —
Идти за тобой,
Мрак и горе развеяв
Над отчей страною,
Чтоб нигде не осталось
И тени ночной?

* * *

Я из всех твоих речек
воду зачерпывал,
Всем коням твоим
чуткие челки зачесывал.
Я на всех твоих ягодах
вина настаивал,
Скрипки
на всех вечеринках настраивал.
Я рубахи ткал
изо всех твоих льнов.
Я слова искал
для твоих сынов.
За тебя шел в бой,
плавал в плаваньях
И горел с тобой
на всех пламенях!

С городами твоими,
деревнями,
С дымом труб твоих
и деревьями,
От рассветных гудков
до скрипа санного
Я тебя носил
у сердца самого!

ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ ИЛЬИЧА

Конечно, не все кабинеты,
Где Ленин и ночью и днем
Работал, встречая рассветы,
Хранятся как память о нем.
Тем более, часто колено
Служило столом Ильичу,
И поле, где свежее сено
К его прикасалось плечу,
И пень был в чащобе зеленой
Рабочим столом иногда,
И берег, луной озаренный,
В который плескалась вода.
Он в Смольном блокнот свой
однажды
Бойцу на плечо положил...
Он всюду работал и каждой
Минутою дорожил.
Я вижу: присел на ступени,
Пальто положил позади,
И пишет размашисто Ленин,
Пред тем как на сцену взойти.

ТУКАЙ

Когда я прохожу по улицам Казани,
Мне внятен, как родной, язык моих друзей.
Вот площадь предо мной открылась,
как сказанье.
Там каменный поэт влюбленными глазами
На город свой глядит, закутан в плащ теней.

Скажи мне, ты читал когда-нибудь Тукая?
Его живой строкой я покорен опять.
Слова летят сквозь ночь, как молнии
сверкая,
И над моей душой им власть дана такая,
Что здесь и сам бы мог татарином я стать.

Исаак БОРИСОВ

КРАСНОГВАРДЕЕЦ

Когда ценнейшие перебираем клады,
Что издавна земля в себе хранит,
Нам вспомнить прах красногвардейца надо —
Он вечности самой принадлежит.

Он превратился в юные побеги,
В тяжелые узлы литых корней,
Чтобы земле вкушать плоды победы,
Чтоб солнце не затмил никто над ней.

МОЙ ДЕД

Он от рожденья был слепым.
Зрачки мертвы...
Недвижны веки...
Весь мир, простершийся пред ним,
Стал невидимкою навеки.

И он ушел — угрюм и тих —
Из тьмы одной во тьму другую...
Я — внук его,
на мир гляжу я
Всем нетерпеньем глаз своих!

Мне надо видеть за двоих.

* * *

Орел, взлетев, свое гнездо в самом себе несет,
Он даже рад, что окружен бескрайней пустотою.
А окрыленный человек, отправившись в полет,
Гнездо оставив на земле, весь мир берет с собою.

РАДУГА

О эти семь огней отрадных!
Семь струй, семи небес гряда,
Которым по законам радуг
Не тесно вместе никогда!

В них скрыта молнии секира,
В них притаился гром, дремля,
В них, как до сотворенья мира,
Смешались небо и земля!

* * *

Да, у любви закон особый,
Ни с чем не схожий, может быть...
Рыбачьим неводом не пробуй
Реки струенье изловить!

Волна с волной сомкнется зыбко,
И вновь —
в угоду злой судьбе! —
Другому золотая рыбка
Достанется, а не тебе!

Шифра ХОЛОДЕНКО

БАЛЛАДА

О звучная, сочная русская речь,
Навеки дано тебя в сердце сберечь!
Но звук русской речи был плохо знаком
Еврейской девчонке в селенье глухом.
Был воздух прозрачен, и день был хорош,

И ласковый ветер поглаживал рожь.
С недетской тревогой лежала во ржи.
Пустую дорогу мой взор сторожил.
Чуть конных иль пеших увижу на ней.
Лечу без задержки к избушке своей.
И раз увидала в открытой дали,
Как всадники с ружьями скачут в пыли.
К земле пригибаясь, помчалась стрелой
По узкой тропинке к избушке лесной.
Бежала, бежала я, трудно дыша,
А топот коней раздавался в ушах.
В скрипучие двери избушки родной
Четыре солдата ввалились со мной.
Руками испуганно мать развела:
«Евреи мы, наша ли в этом вина?..»
Хохочут, снимая оружие с плеч,
И слышу я сочную русскую речь:
«Не бойся, мамаша. Мы воины, но
Со всеми народами мы заодно».
В раздумье стояла, не двигаясь, мать:
«Так власть, вероятно, сменилась опять?»
Один из вошедших кивнул головой,
Сказал мне: «Скорей напои нас водой».
И мама глаза свои вытерла вмиг,
Поесть пригласила гостей дорогих.
Из лучшего лучшее им принесла,
Лишь соли щепотки найти не смогла.
«Не так бы хотела я вас угостить,
За наши нехватки прошу нас простить...
Есть хлеб, слава богу, садитесь за стол,
А соль вам заменит капустный рассол.
Бывает и хуже, помилуй нас бог,
Опасное время, так много тревог...»
«Да, эта избушка — неважный приют,
Когда по дорогам бандиты снуют, —
Промолвил один. — Хоть и ловок ваш бог,
Не знаю, как он до сих пор вас берег...»
Пошла проводить я гостей дорогих,
Потупившись, «кто вы?» спросила у них.
Тогда чуть знаком был мне русский язык.
Запомнилось слово одно — большевик.
С тех пор это слово сдружилось со мной.
Вошло это слово в язык мой родной.
О звучная, сочная русская речь,
Навеки дано тебя в сердце сберечь!

ЗЕМЛЯНИКА

Средь желтой листвы на полянке лесной
Цветок земляники расцвел, как весной.

Гляжу я, и радость проснулась в груди,
Как будто все лето еще впереди.

Цветок белоснежный, открой мне секрет,
Как юность приходит на старости лет?

В душистом цвету ты идешь на покой...
Хочу, чтоб такое случилось со мной.

Арон ВЕРГЕЛИС

СМЫСЛ

Я с пехотой шел высокими хлебами,
Кованными я топтал их сапогами.
Где ж тут смысл? Ведь эту рожь я сам посеял!

Шел красивыми лесами, шел я с боем,
Только пепел оставляя за собою.
Где ж тут смысл? Леса я так в душе лелеял!

А однажды бой возник в моем селенье,
И взорвал я дом родной без сожаленья.
Где ж тут смысл? Я дом родной, как дым, развеял!

Эй, хлеба, леса и дом! Я ваш ответчик.
Все отдам сполна и клятвы не нарушу:
Если в душу мне проник бы враг-разведчик,
Я взорвал бы с ним и собственную душу!

* * *

Над спящим городом склоняюсь
с горных троп:
Здоров ли город? Или, не дай бог,
Он захворал, с устатка занемог?
Мне хочется ему пощупать лоб.

Беру луну я запросто, вот так,
Как будто бы солонку на столе.
Прибавив света звездного во мгле,
Я переулков освещаю мрак.

Все озарил. Теперь все на виду!
И, не стучась к закрытым на запор,
Себе я на колени целый двор,
А на ладонь огромный дом кладу.

Всесилен только бог один? Клянусь:
Я сам теперь как бог. Я с горных
троп
Над задремавшим городом склонюсь,
Мне хочется ему пощупать лоб.

В ПОЛЕВОМ ГОСПИТАЛЕ

Принесла кувшин ему сестрица,
От двери до самого угла
Пронесла бегом по половице
И ни капельки не пролила.

Час назад летел в атаке конной,
Вырастал, казалось, из седла,
Опускал клинок свой закаленный
Так, что даже тень не догнала!

А теперь в углу лежал мужчина
И, когда хотел напиться сам,
Пролилась водица из кувшина,
Набежали слезы на глаза.

МЕДВЕЖИЙ БОР

Семья приехала в Медвежий бор,
С подводы первым соскочил мальчишка.
Он в эту глухомань привез с собой
Из магазина плюшевого мишку.

И ветер затрубил, забушевал.
Тайга со сна глядела удивленно.
В ее груди затосковал Байкал,
А у деревьев закружились кроны.

Хотя уже была пора, когда
Медведи спят и бор был заспан вроде,
Тайга звала: «Медведи, гей сюда!»
И вот медведи подошли к подводе.

Обнюхивали: зверь или не зверь?..
Чесали плюш, решили меж собою,
Что и тайга не та уже теперь
И надо с богом уходить из бора...

И с той поры игрушечный, приезжий
Один медведь пугает бор Медвежий.

УРОК

Я хожу меж берез и осин
Не с хорошим намереньем, не один —
С топором и пилою наперевес.
Хмурится лес, сердится лес:
— Раньше ты дерево полюби,
А потом руби!

Так бывает со мной:
вгорячах поспешу
И хорошее слово сиянья лишу,
Переплавлю не так и поставлю не там.
Муза в гневе кричит: «Слово портить
не дам!
Ты его полюби,
Ты войди с ним в родство,
А потом покажи свое мастерство!»

Гордый упрек,
Добрый упрек.
Спасибо за этот урок.

ДОЖДИ

1

На ходулях тонконогих,
Головой под небосвод,
Дождь на всех земных дорогах —
Самый главный пешеход.

Самый легкий. Он без ранца,
Он забыл в лесу топор!
От его лихого танца
Гуси, куры — все во двор!

Он намокший колос клонит,
Пляшет, прыгает во рву,
Он козла-упрямца гонит
С крыши ветхой на траву.

В голубой своей рубахе
Встал он около крыльца
И, как сельский парикмахер,
Моет голову у пса.

Вдруг ни ливня и ни грома,
Только зайчик по стене.
Где же дождь? А он, как дома,
Отдыхает на сосне!

2

Отоспался, отлежался.
Ну, теперь его не прячь!
К стану ткацкому прижался,
Как бывалый, старый ткач.

Если нитка оборвется,
Мастер враз обрыв найдет,
Остановит и нагнется,
Свяжет, пустит — снова ткет.
Ткет,
Ткет,
Ткет,

Ткет,
Это значит,
Дождь идет.

Жизнь проносится наплывом,
Вспоминаю, не щадя,
Вижу все ее обрывы
На сыром холсте дождя!

В БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ ЛЕНИНА

Сливаются образ и мысль воедино —
Могучих идей нарастает лавина...

Вот книгу раскрыл я — и снова и снова
Ловлю окрыленное Ленина слово!
Оно, точно молния, вспыхнуло ночью —
Тяжелые тучи развеяло в клочья...

Я книгу оставил, в окно загляделся —
Там грохот, там вспышки, край неба зарделся...
Там молния тоже, как здесь, на страницах,
Свинцовые тучи развеять стремится.

Весь город иной, не похож на вчерашний —
В полотнищах ливня кремлевские башни,
И красные звезды сверкают от молний —
То Ленина гений их светом наполнил!

И снова я книгу его раскрываю,
И словно оковы я с сердца срываю.
Могучих идей нарастает лавина —
Сливаются образ и мысль воедино.

С ТЮТЧЕВЫМ

Я снова с палкой неразлучной,
Взяв томик Тютчева с собой,
Брожу по рощам подмосковным,
Где дремлет сумрак голубой.

Где повстречался клен с березой,
Орешник дикий и сосна,
Которым высота сквозная
Неразделимо вручена.

Уже расцвечивает осень
Огнями листья и цветы,—
Могущественней нет на свете
Лесов российских красоты!

Я книгу Тютчева листаю,
Природы мудрость познаю.
И свежесть красоты нетленной
Переполняет грудь мою.

Душа природы воедино
С душой поэзии слилась.
И мне открылось их значенье,
Нерасторжимая их связь...

Моисей ТЕЙФ

АННА ФРАНК

О, темя снежное — гора,
Куда крыла не мчат орланов!
На ней печальней баккара
Поет дитя из Нидерландов.

Ни человек, ни зверь, ни танк
Не тронут этого предела.
Там королевство Анны Франк,
Где может петь душа вне тела.

Светильник огненный держа,
Как держат сложенные крылья,
Танцует на снегу душа,
Обрызганная снежной пылью.

Сияет бездна впереди.
— Ты кто? Дитя? Бессмертье? Птица?

Мне страшно, ангел! Отойди!
Так можно вдребезги разбиться!

Но деревянным башмаком
Она выстукивает гулко
Напев, который так знаком,
Как сон, как запах переулка:

Ой, ха́нуке, ха́нуке —
Праздник веселый...

Аж дрожь идет по городам,
И кровь из глаз роняют зори,
И море вторглось в Амстердам,
Рассудок потеряв от горя.

...А та — на темени горы.
В ее руке светильник дышит.
Не умерла. Глаза добры.
А нас бессонница колышет.

ИНТЕЛЛИГЕНТ

Его душа была, как Эолова арфа...
А. Луначарский.

Ножи не спят, огонь не спит,
Приклады в каждый дом стучатся.
Из бочек хлещет чистый спирт,
Из ружей — гулкое несчастье.

Ага! Поймали, повели!
Надулись жилы рук багрово.
Вот он, причина зол земли,
Бей старика портного!

— Не сметь! —
Как будто гром с небес. —
Безумные, куда вы?! —
Он бородой — как черный лес —
Встал поперек Полтавы.

Глаза яснее, чем лазурь.
— Кто ты? — спросил махновец.
— Я русский. Боже, образумь!
Верни им стыд и совесть!

Коль старику грозит расстрел,—
И мне свинцовой дозы! —
На них он гневно посмотрел,
В глазах блеснули слезы...

Вот он стучится напролом
В бандитскую штабную:
— Остановите ваш погром,
Я — Короленко — протестую!

Горит Полтава. Дым багров,
Ножи тела кровавят.
Среди пылающих домов
Идет он с божьим гневом слов
И к совести взывает.

ДВЕРИ

Направо дверь... Налево дверь...
За каждою — квартира.
Наверно, тут друзья живут?
Нет, два далеких мира.

Из правой двери в дождь ли, в снег
Уверенно и страстно
Выходит утром человек —
Строитель государства.

Налево дверь... Ее не тронь!
Жильцы мрачны и лживы.
Во тьме их душ воздвигнул трон
Вертлявый бог наживы.

За нафталиновый уют,
За хлам квартиры душной
Здесь, не колеблясь, продают
И честь свою и душу.

Вставай, мой стих! Будь до конца
Необходим и верен
Делам и помыслам жильца
За той... за правой дверью!

Аврам ГОНТАРЬ

* *
*

Я к чудесам привык уже давно,
Лишь к одному привыкнуть не дано:
Другого нет такого в мире чуда,
Оно взялось неведомо откуда,
Ему конца в тысячелетьях нет:
Дитя рождается на свет!

Еще ребенок беззаботно спит,
Еще грехов не знает и обид,
Еще земных не ведает забот,
Не понимая даже, что живет,
Но самым главным стал уже в дому.
Я изумлен: весь мир подай ему!

Он жадным криком требует всего
Нетерпеливы пальчики его,
Он пьет тепло из материнской груди...
Какая сила в этом чуде!
Дитя рождается на свет...
Без этого и смысла в жизни нет.

ОСЕНЬ В ЛЕСУ

Осень лесу каждый год
Платит золотом за вход.
Посмотрите на осину,
Вся одета в золото,
А сама лепечет:
— Стыну!
И дрожит от холода.

А березка рада
Новому наряду:
— Ну и платье! Что за прелесть,
Золотое, модное!
Быстро листья разлетелись,
Ночь пришла холодная,
А за ней мороз внезапный,
И березка шепчет:
— Зябну!

Прохудилась и у дуба
Позолоченная шуба.
Спохватился дуб, да поздно,
И шумит он:
— Мерзну! Мерзну!
Обмануло золото!
Не спасло от холода.

Я ТАЙНУ РАЗГАДАЛ

Зачем могучий дуб тяжелым мхом оброс?
То ветер северный причиною, поверьте.
Он бил его, трепал, он посылал мороз.
Но дуб оделся в мох и спас себя от смерти.

Так красоту свою сберег могучий дуб.
Не зря закутался он в плюшевую шубу!
Пусть ветер мечется, пусть воет, душегуб!
Напрасны все труды! Он не осилит дуба.

Лицо мое в морщинах... В те года
Брал ветер и меня в морозные объятья.
И, может быть, сгубили б холода,
Но тайну дерева смог в стужу разгадать я.

Я ПОНЯЛ

Не потому ль, что старость настает,
Не потому ль, что юность часто снится,
Я так влюблен и в лес и в небосвод,
Во все на свете я готов влюбиться.

Я и в тебя влюблен, хоть ядовит
Взгляд синих глаз с туманной поволокой.
Зато колечком солнечным обвит
Зрачок моей красавицы жестокой.

Влюблен в мороз, который на стекле
Застывшего окна рисует рядом
Седую ветку на седом стволе
И голубя с твоим лучистым взглядом.

И в реку я влюбился наконец,
Где дремлют опрокинутые ели.
Во все, во все влюбляюсь, как глупец.
Я понял, что старею в самом деле.

Зиновий ТЕЛЕСИН

БУЛЬДОЗЕР

Полнеба красновато, как в предгрозье,
Полнеба там, над кранами, бледней.
Смотрю в окно: работает бульдозер
На строящейся улице моей.

Холмы ровняет, засыпает ямы,
Сметает сор и щебень на пути,
Чтоб улица тянулась прямо, прямо,
Чтоб лучше было нам по ней идти.

Гороподобную каменьев груду
Он запросто толкает пред собой,
И вслед за ним, дивясь на это чудо,
Бегут мальчишки шумною гурьбой.

Смуглы их спины, золотисты ноги,
Как будто в кофе выкупали их.
Мне по сердцу веселые тревоги
Моих соседей самых молодых.

И знает ли шумливая ватага,
Бегущая бульдозеру вослед,
Что этот добродушный работяга
Не кто иной, как танк военных лет!

А я за ним бежал в тот страшный час —
Волоколамский тракт был разворочен, —
Чтоб танк теперь машиной стал рабочей
И улицу выравнивал для нас.

ВЬЕТНАМСКИЙ КОВЕР

Где нет богатства, там и спеси нет,—
Я сам полы мету, картошку чищу,
Ковры не стелются по нашему жилищу,
Без хрусталя обходится буфет...
Да я о том и не скорблю, поверьте,
Лишь к слову помянул — до самой смерти,
Дай бог, не испытать мне горших бед.
Я только в стих вошел, а разговор
Меня от темы, чувствую, относит...
Вернемся же. Итак... Однажды просит
Моя Рахиль: «Купил бы ты ковер —
На выстывшем полу он будет очень кстати,
Когда соскочишь босиком с кровати...»
Я не нашел причин затеять спор.

Не стал я мешкать: речь-то шла зимой!
Мне повезло: в одном из магазинов,
Прилавки взглядом ищущим окинув,
Увидел я ковер, недорогой,
Вьетнамский... Мне его свернули в трубку,
Шпагатом завязали, и покупку
Я на плече принес к себе домой.
Осуществили мы свою мечту:
Ковер разостлан на полу. Мы рады.
Любуемся: растений красных гряды,
Вокруг живой зеленою оградой
Маиса стебли, дерево в цвету,
Пичуга на сучке сидит беспечно...

На стену мы ковер повесили, конечно.
Кто б мог топтать такую красоту!..

КОМУ ЧТО ПРИГЛЯНЕТСЯ...

С Иртыша мой сосед приволок
Вяленой рыбы мешок,
Из солнечной Бухары
Привез дорогие ковры,
С берегов Енисея скалистых —
Шубку из белок пушистых.
А я с Сиваша домой
Захватил бутылку с водой.
Привез я издалека,
Из Туркмении, горсть песка,
А из тайги дремучей —
Веточку пихты пахучей.

Кому что приглянется,
К тому он и тянется.

Овсей ДРИЗ

МЕЧТА

Я верю — мне сердцем дано это право,—
Останется — к этому время ведет —
На вооруженье Советской державы
Одна только пушка, что в час величавый
На Зимний нацелил восставший народ.
Один только крейсер, что к новым причалам
Пробился с пальбою, Неву бороздя,
Один броневик под полотнищем алым,
Что первой трибуною был, пьедесталом,
Поднявшим над стихшей толпою вождя.

КРАСОТА

Из крепкого камня
Базальтовых скал
Ваятель
Саму
Красоту высекал.

Он ради нее
От всего отрешался
И в каждом ее
Ноготке отражался.

И только под старость
Он бросил резец
И дошлифовал ей
Глаза наконец.

И вот красота,
Совершенное диво,
На старца уставилась,
Вздрогнув пугливо.

Ни слова не молвила
Старости юность
И в камень тяжелый
Обратно вернулась.

ДОРОЖЕ АЛМАЗА

Когда-то и где-то
Жил-был человек,
Который по свету
Скитался весь век.

Однажды, в свирепый
Тайфун угодив,
Корабль его в щепы
Разбился о риф.

На влажный песчаник
Заброшен волной,
Очнулся наш странник
В полуденный зной.

Измучен, изранен,
Он был недвижим,
И старый крестьянин
Склонился над ним:

— Откуда ты, кто ты,
Не ведаю я,
Но хлеб мой и соты,
Рубаха моя,

И брага в кувшине,
И соль, и жилье —
Все это отныне,
О гость мой, твое!

...Ни мало ни много —
Недель через пять
Наш путник в дорогу
Собрался опять.

Свой перстень бесценный
Дает он тому,
Кто так неизменно
Был добрым к нему.

Не смотрит крестьянин
На дивный алмаз,
Внезапен и странен
Был гордый отказ!

— Не надо обильных
И щедрых даров,
Хватило б мне пыльных
Твоих башмаков,

Чтоб на чужбину
Не увезли
И крошку единую
Милой земли...

Рахиль БАУМВОЛЬ

РАССВЕТ

Из ничего возникла тишина,
Чей гром почти невыносим для слуха.
Часы, как барабан, грохочут сухо,
И гладь большого зеркала мутна:

Она облита молоком рассвета,
Нельзя узнать ни одного предмета.
Но ласточка легонько о стекло,
Как спичка, чиркнула — и стало вдруг светло.

СЛОВО — РАКЕТА

И отправится слово,
Послушно поэту...
Это я запущу его,
Словно ракету,
В день простой,
С однокомнатной тесной площадки.
Запущу
И к хлебной отправлюсь палатке
За буханкой хлеба,
Как ни в чем не бывало.

А ведь дней беспокойных
Провела я немало
И бессонных ночей.
Разве это не косность —
Отрицать мое скромное право
На космос?

Сложно
И многоступенчато слово.
Посмотри, как оно необычно,
Как ново!
Оно — нашего века
Живая примета.
В новом слове
Помчится лишь сердце поэта.

Его хватит на век,
или на год,
иль на три,
Но светить оно будет
Куда ярче, чем натрий!
В нем вся мудрость земная,
Что вселенною движет
Море ясности, где ты?
Все ближе и ближе.

БЫВАЕТ РАННЕЮ ВЕСНОЮ

Бывает раннею весною:
Почти осенний плачет день.
Ребенком ты бредешь с тоскою:
Где солнце, где густая сень?

День до костей промыт дождями,
Асфальт становится темней.
И с неба падает кусками
Вода, что снега тяжелей.

Дома как будто увядают,
И в пене уличной реки
Бесстрашно сапоги шагают,
Вприпрыжку мчатся башмачки.

Листвою легкой птичья стая
То взмоет ввысь, то упадет...
Быть может, до тебя шальная
Волна воздушная дойдет.

Но март с дождем холодным, знаю,—
Не осень, что забот полна.
Все, все сегодня я прощаю:
Ведь завтра подойдет весна.

СВЕТАЕТ

Раньше других просыпаются в поле цветы.
В каждом из них голубая росинка блистает.
Шепчут друг дружке они: «Ты проснулся?»
«А ты?»
Светает.

Ожили травы. К воде наклонился камыш.
Стало теплее. Рассветный туман уже тает.
Шепчутся листья берез: «Ты не спишь?»
«Ты не спишь?»
Светает.

И наконец ветерок прикасается к ним,
К травам, цветам и деревьям: он с ними играет,
Он как бы с ними поет: «Мы не спим!
Мы не спим!»
Светает.

РЕБЕНКУ

Раздену перед сном,
А после сна одену,
И не легко в тебе
Увидеть перемену.

Но дни в календаре
Меняются, как вехи,
И ты, сынок, растешь,
Ты делаешь успехи.

И вот проходит год,
Положена основа:
Ты на ноги встаешь
И обретаешь слово.

Люблю тебя, мой сын,
Таким ты мне и снился.
Ты — плоть и кровь моя,
В тебя мой дух вселился.

И, где бы ни был я,
Я мысленно с тобою.
Я счастлив: ты растешь,
Ты говоришь со мною.

И каждый день меня
Приводит в удивленье:
То новые слова,
То новое движенье.

Люблю твою игру,
Люблю твои затеи.
Переходя в тебя,
Я словно молодею.

Ты первый у меня...
Нет, был еще ребенок.
С ним разлучил нас враг,
Он взял его с пеленок.

Ничто не возместит
Тяжелую потерю.
Я сына не прощу
Коричневому зверю.

Ты дорог мне вдвойне,
Ты с каждым днем дороже,
И потому к тебе
Я буду вдвое строже.

Будь добрым за двоих,
Будь за двоих умелым,
Будь в деле и в бою
Веселым, честным, смелым.

* * *

Зимой в лесу один, сжимая крепко нож,
Схватился мой отец с голодной стаей волчьей.
На помощь он не звал, а только дрался молча.
Мне кажется, я на отца похож...

Однажды бедняка, за что, и не поймешь,
Пан отхлестать хотел, да посреди деревни.
Плеть у обидчика отец мой вырвал гневно.
Мне кажется, я на отца похож...

Неведома моей душе боязни дрожь;
Широк в плечах, здоров я телом, сердцем молод,
Меня бодрит борьба — и жар ее и холод.
И я, наверно, на отца похож!

* * *

— Что тебе всего дороже, колос?
Отвечай —
уж близок шелест кос...
— Мать-земля! —
ответил русый колос.—
Мать-земля,
из коей я пророс.

— Мать-земля!
Я сам стою на этом.
С ней делил я радость и беду,
Я на ней любил,
И стал поэтом,
И в нее уйду.

Иосиф КЕРЛЕР

В ЛЕСУ

В лесу снега еще белы,
И на ветвях убранство,
Но размыкаются стволы
В свободное пространство.

И столько солнца поутру
Гнездится в старых гнездах,
Что птичьи выкрики в бору
Раскалывают воздух.

Они снуют туда-сюда,
Пока восходит в небо
Настой коры из-подо льда
И моха из-под снега.

Я наполняюсь торжеством,
Заботою лесною,
Как первый грач с открытым ртом,
Наполненным весною.

ДА, Я ВЕРЮ

Я отвечу:
— Я верю! —
Если б люди спросили,—
Мир
Не склонит никто
К грабежу и насилью.
И громовые тучи,
Что несутся лавиной,

Рассечет и рассеет
Полет голубиный.
Солнце по миру выткет
Зеленые травы.
Верю я —
Рождены мы
Для любви и для славы.
Да, я верю,
я верю:
Широко и просторно
Утро выкатит песню
Золоченого горна.
Для любой стороны
Протрубит его рупор,
Что ворона войны
Стала высохшим трупом.
Опустившись,
Оправит
Голубь белые перья.
Песня утро прославит —
Я верю.
Я верю!

ДРУЗЬЯ

Я столько верст прошел с тоскою,
Я столько схоронил в боях,
Что даже мой, наверно, прах
Лишится навсегда покоя.

Я горечь каждого удара
С тех пор ношу в своей груди:
С друзьями встречены в пути
Косые сполохи пожара.
Друг другу бинтовали раны,
Друг другу охраняли сон,
Делили мы и кровь, и стон,
И гнев, и холод, и туманы.
Костры, вставая у дороги,
Как братья, были нам близки,
О мир улыбки и тоски,
О мир дерзанья и тревоги!..

Матвей ШТУРМАН

МОЯ СЕСТРА

Валентине Николаевой-Терешковой.

Мать одного меня в заботах воспитала,
И вырос я без братьев и сестер.
Теперь, как всем, родной сестрой мне стала
Та, что летит в космический простор.

Закончив в космосе рабочий день, устала,
Уснула среди звезд, как на земле.
Нет, не богиня — девушка простая...
И снятся ей, быть может, в корабле

Прославленные летчики-герои,
Чья смелость нынче ей передалась.
Бесстрашье Лизы Чайкиной и Зои
Сродни ей, нашей «Чайке», в этот час.

Жизнь героинь, как звезды, угасала,
Чтобы, взойдя высоко над землей,
Звезда ее бессмертия сияла,
Звезда судьбы счастливой и большой.

ЛЕНИН

Это имя — огненная буря,
Океанов яростный прибой,
Это вождь ведет, глаза прищуря,
Землю в день грядущий за собой.

Это высшей истины заветы,
Слово, побеждающее смерть,
Это имя в грозный час планеты
Укрощает смертоносный смерч.

Это имя — на планетной шири,
Это имя факелом во мгле,
Это имя, словно весть о мире,
Что поют все люди на земле.

Это имя — правды клич суровый
И призыв надежно мир беречь;
Для друзей в нем свет надежды новой,
Для врагов — разящий насмерть меч!

Давид БРОМБЕРГ

ПИСЬМА

На крыльях исписанных мелко страниц
Летят они стаей непуганых птиц.
И утром, спеша оказаться на месте,
Стучатся в квартиры спокойные вести:
...У младшего сына в порядке дела.
...Счастливая мать близнецов родила.
...Полярник в восторге от крымской жары.

А помните письма военной поры?
Вы помните острые их уголки
И боль незаконченной в спешке строки?
Последний привет не пришедших назад —
Солдатские письма без марок и дат.
Над ними рыдали, мечтая о мести.

Стучатся в квартиры спокойные вести:
...У младшего сына в порядке дела.
...Счастливая мать близнецов родила.
...Полярник в восторге от крымской жары.

Хорошие письма хорошей поры!

ГЛАЗА

Знаю, увидите вы, если надо,
Больше того, что откроется взгляду.

И не в словах торопливых и праздных —
Именно в вас отражается правда.

Что бы со мною с годами ни сталось,
Пусть не коснется вас тусклая старость.

Пусть не поблекнут зрачки от недуга,
Чтобы врага отличал я от друга.

СОДЕРЖАНИЕ

Матвей ГРУБИАН

Моя страна. *Перевод В. Державина.* 3
«Я из всех твоих речек...» *Перевод Евг. Евтушенко* . . 3
Письменный стол Ильича. *Перевод М. Лисянского* . . 4
Тукай *Перевод Н. Рыленкова* 4

Исаак БОРИСОВ

Красногвардеец. *Перевод Я. Хелемского* 5
Мой дед. *Перевод А. Безыменского* 5
«Орел, взлетев, свое гнездо в самом себе несет..». *Перевод Я. Хелемского* 6
Радуга. *Перевод Р. Казаковой* 6
«Да, у любви закон особый...». *Перевод Ю. Нейман* . . 6

Шифра ХОЛОДЕНКО

Баллада *Перевод П. Железнова* 6
Земляника. *Перевод В. Берестова* 8

Арон ВЕРГЕЛИС

Смысл. *Перевод Г. Абрамова* 8
«Над спящим городом склоняюсь..». *Перевод Л. Мартынова* 8
В полевом госпитале. *Перевод В. Корнилова* 9
Медвежий бор. *Перевод В. Корнилова* 9
Урок *Перевод В. Бокова* 10

Яков ШТЕРНБЕРГ

Дожди. *Перевод В. Бокова* 11
В библиотеке имени Ленина. *Перевод К. Красногорской* 12
С Тютчевым. *Перевод М. Шехтера* 12

Моисей ТЕЙФ

Анна Франк. *Перевод Ю. Мориц* 13
Интеллигент. *Перевод В. Бокова* 14
Двери. *Перевод Л. Миля* 15

Аврам ГОНТАРЬ

«Я к чудесам привык уже давно...». *Перевод В. Тушновой* 16
Осень в лесу. *Перевод В. Берестова* 16
Я тайну разгадал. *Перевод Л. Гинзбурга* 17
Я понял. *Перевод В. Берестова* 17

Зиновий ТЕЛЕСИН

Бульдозер. *Перевод Ю. Нейман* 18
Вьетнамский ковер. *Перевод И. Гуревича* 19
Кому что приглянется... *Перевод В. Потаповой* . . . 20

Овсей ДРИЗ

Мечта. *Перевод Т. Спендиаровой* 20
Красота. *Перевод Р. Морана* 20
Дороже алмаза. *Перевод Р. Морана* 21

Рахиль БАУМВОЛЬ

Рассвет. *Перевод В. Потаповой* 22
Слово — ракета. *Перевод автора* 23
Бывает раннею весною. *Перевод А. Ахматовой* . . . 24
Светает. *Перевод В. Инбер* 24

Мендл ЛИФШИЦ

Ребенку. *Перевод А. Кленова* 25
«Зимой в лесу один, сжимая крепко нож...». *Перевод А. Морана* 26
«Что тебе всего дороже, колос?..» *Перевод А. Кленова* . 26

Иосиф КЕРЛЕР

В лесу. *Перевод О. Чухонцевой* 27
Да, я верю. *Перевод Г. Петрова* 27
Друзья. *Перевод Б. Дубровина* 28

Матвей ШТУРМАН

Моя сестра. *Перевод П. Вячеславова* 29
Ленин. *Перевод В. Матвеева* 29

Давид БРОМБЕРГ

Письма. *Перевод Вл. Савельева* 30
Глаза. *Перевод Вл. Савельева* 30

Цена 4 коп. Индекс 70668

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» С 1 ЯНВАРЯ 1965 ГОДА

БУДУТ ВЫХОДИТЬ НОВЫЕ ЖУРНАЛЫ:

Название журнала	Колич. номеров в год	Подписная цена (годовая)
ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ		
Дефектоскопия	6	4 р. 50 к.
Защита металлов	6	6 руб.
Известия Академии наук СССР Серия — Металлы	6	7 р. 50 к.
Машиноведение	6	5 р. 10 к.
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ		
Советское славяноведение	6	6 руб.
Экономика и математические методы	6	7 р. 50 к.
ОБЩЕАКАДЕМИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ		
Доклады Академии наук СССР:		
Серия — Математика, Физика	36	18 руб.
Серия — Химия	36	14 р. 40 к.
Серия — Геология	36	9 р. 72 к.
Серия — Биология	36	9 р. 72 к.
ЖУРНАЛЫ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР		
Автометрия	6	6 руб.
Научно-технические проблемы горения и взрыва	4	5 руб.
Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых	6	7 р. 20 к.

Подробные сведения о журналах издательства «Наука» и условиях подписки на них публикуются в каталогах «Академкниги» и «Союзпечати».

Время открытия подписки будет объявлено в газетах и по радио.

«АКАДЕМКНИГА»